ИСЛАМ, ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ПРОБЛЕМА «ЕВРОДЖИХАДИЗМА»

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЛИЦО ЭКСТРЕМИСТСКОЙ УГРОЗЫ

Ключевые слова: негосударственные акторы, исламизм, «Исламское государство», «евроджихадизм»

Л.Л. ФИТУНИ
Доктор экономических наук

И.О. АБРАМОВА
Доктор экономических наук

Институт Африки РАН

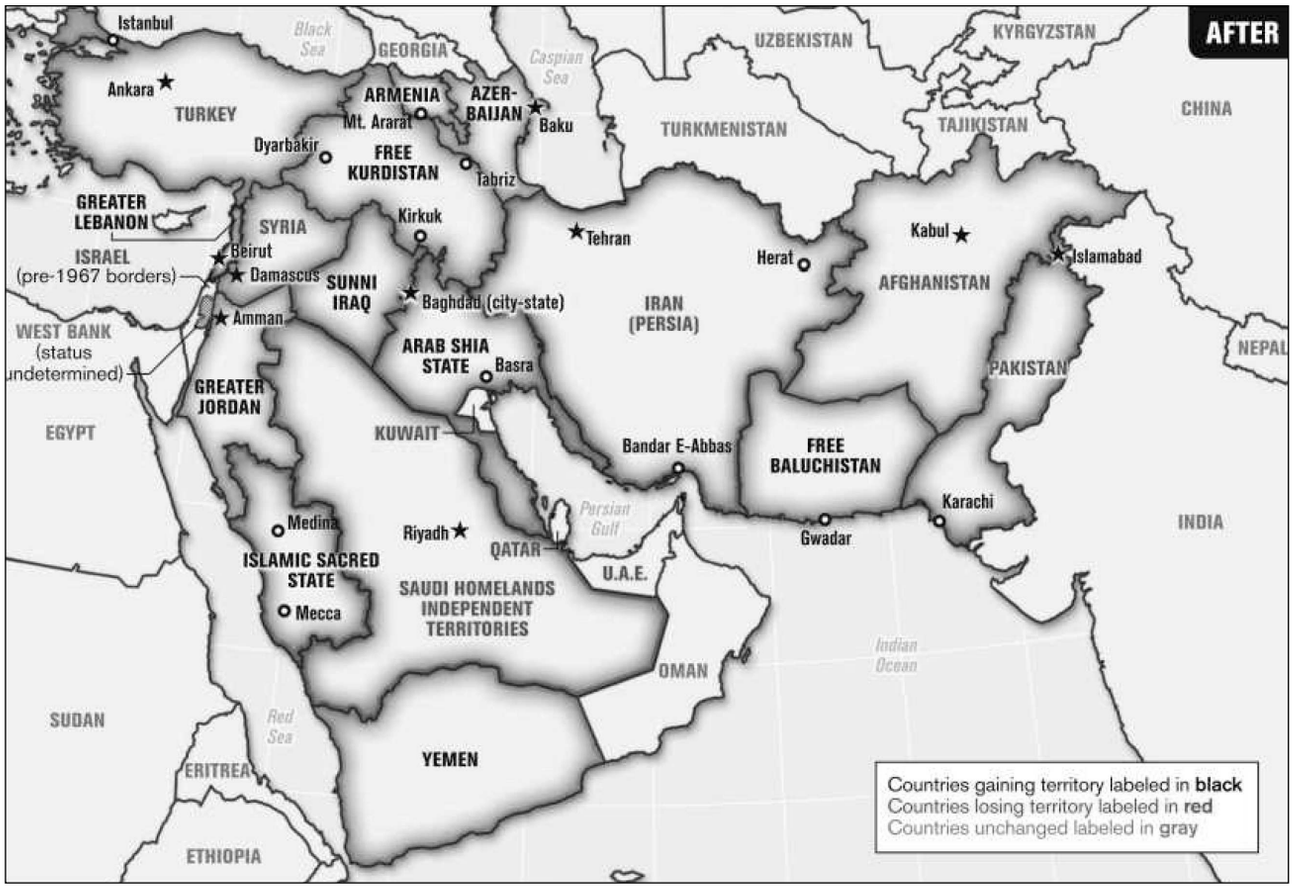
За годы, прошедшие со времени первых беспорядков на Севере Африки, ход событий и их последствия приняли неблагоприятный для многих государственных и негосударственных акторов мировой политики оборот. Они серьезно дестабилизировали международную и внутреннюю ситуацию, в т.ч. в странах, расположенных далеко за пределами региона. Часть таких неблагоприятных последствий, судя по всему, была запланированным элементом сценария Большой Игры, другие стали неприятной неожиданностью.

Попытки социальной инженерии в арабских странах, искусственное имплантирование чужеродных для местных обществ политических и идеологических новообразований, высокомерное отношение к местным религиозным и культурным особенностям привели к затянувшейся драме «арабской весны». В последнее время риторика Запада относительно истоков, кровавого хода и трагических последствий событий «арабской весны» и других недавних «революционных» катаклизмов перестала быть стыдливо уклончивой. США и ЕС уже не столь безаппеляционно твердят, что-де «все происшедшее случилось само самой, а мы лишь в меру сил поддержали волю восставшего населения»[1].

Сегодня политическая линия заокеанских вдохновителей «цветных» революций укладывается в формулу: «лучше ли, хуже ли, но дело сделано - теперь нужно доводить начатое до логического завершения». Расчет делается на создание условий для трансформации геостратегических парадигм во всей обширной широтной зоне от Марокко до границ Китая.

Глубина трансформаций будет разниться - от смены режимов и/или их ориентации до «инкубирования» новых государственных и квазигосударственных образований в этом районе мира. Уже очевидно, что политический, социальный и экономический транзит в этом мегапоясе продлится не годы, а десятилетия. Он будет характеризоваться ожесточенными социально-политическими катаклизмами и непременно потребует от всех оказавшихся в зоне транзита стран - старых ли, новых - отвлечения значительной доли наличных у них ресурсов на преодоление побочных эффектов самого широкого спектра: военно-политических, экономических, этноконфессиональных и др., неизбежно возникающих при подобного рода переходах.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ - проект № 14-07-00028 «Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «Исламской Африке» и некоторые аспекты безопасности России после «арабской весны».



Карта 1. Используемая в учебных целях Пентагоном карта Нового Ближнего Востока (по Р.Питерсу, 2007 г.).

Источник: http://afj.wpengine.com/wp-content/uploads/2013/10/peters-map-after.jpg

НУЖНО ЛИ «ПРОСЧИТЫВАТЬ» ВСЕ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Применительно к Северной Африке и Западной Азии (далее - САЗА[2]) речь идет о фундаментальных геополитических трансформациях, которые рассматриваются Вашингтоном как историческая возможность для США политически и стратегически сформировать «под себя» новый Ближний Восток, подобно тому, как нынешний был сформирован, по сути, по итогам Первой мировой войны главными колониальными державами при доминировании в этом процессе Англии.

У читателя может возникнуть, казалось бы, закономерный вопрос: почему Соединенные Штаты занялись переформатированием САЗА только теперь, а не в 1950-х - 1960-х гг. или, скажем, в начале 1990-х, на пике своего глобального могущества? Такая постановка вопроса будет не лишена логики, но, на деле, она не вполне корректна.

Начнем с того, что и отмеченное нами выше формирование современных границ большинства государств Ближнего Востока и Северной Африки по итогам Первой мировой войны, в основном, в колониальных интересах Англии и Франции, имело место уже после прохождения этими колониальными державами пика своего мирового могущества, пришедшегося на конец XIX века. На время подписания Версальского (1918 г.), Севрского (1920 г.) и Лозаннского (1923 г.) договоров эти метрополии еще формально оставались могущественнейшими державами, но было очевидно, что в скором времени им придется уступить пальму первенства Соединенным Штатам.

Да и побежденные или разрушенные в Великой войне Германия, Япония, Россия в скором времени могли стать реальными экономическими и геополитическими соперниками и конкурентами. В этом смысле тогдашнее перекраивание политической карты мира (не только в Азии, но и в Европе), нарезание «новых» государств было ни чем иным, как попыткой Англии и Франции, укрепив свои позиции, повернуть вспять вектор истории и заморозить свое мировое господство через новые геополитические конструкты.

Вполне закономерно, что в интересах реализации тогдашних задач Англией и Францией были использованы объективные тенденции и закономерности общественно-экономического развития «реформируемых» стран и надежды и устремления некоторых из населяющих их народов. Но не всех и не в равной мере - та-

ких, как национально-освободительные чаяния, стремление к собственной государственности, заинтересованность нарождающейся местной буржуазии в освобождении от необходимости делиться частью доходов с «чужой казной».

Учет и использование комплекса этих факторов было естественным, ведь метрополии управлялись опытными политиками, чья линия в значительной степени опиралась на глубокий, по тогдашним меркам, анализ существующих возможностей и тщательную проработку внешнеполитических действий. Такой подход, однако, ни в коей мере - ни в прошлом, ни теперь - не менял корыстной сущности геополитических планов мировых лидеров.

Историческая аналогия с современными позициями США достаточно очевидна. Возвращаясь к конкретным аспектам сформулированного выше вопроса о временных характеристиках процесса трансформации САЗА, следует отметить, что курс на нее, как и любая геополитическая стратегия и внешнеполитическая линия, возник не спонтанно и не одномоментно. Следует разделять период «возникновения идеи», ее оформления, осознания ее рациональности и необходимости воплощения и, наконец, самой реализации.

Идея необходимости геополитической трансформации и перекройки политической карты в указанном регионе возникает в США уже в конце 1970-х гг. как реакция на Иранскую революцию. Оформление и теоретическое обоснование заняло период примерно с середины 1980-х до второй половины 1990-х гг. Можно было бы с определенной долей условности обозначить эти временные границы публикацией двух знаковых трудов З.Бжезинского[3]. В более позднем из них автор использует термин «Евразийские Балканы», включая в эту геостратегическую зону Северный Кавказ, Закавказье (Грузию, Азербайджан и Армению) и Среднюю Азию (Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Афганистан), в увязке с Ираном и Турцией.

Красноречив образ ИГИЛ!

После этого начинается реализация идеи на практике. Последовали вторжения США в Афганистан и Ирак и фактическое расчленение последнего. Однако собственно концепция Нового Ближнего Востока в открытую вбрасывается в мировой политикум только в 2006 г. Считается, что впервые этот термин озвучила государственный секретарь США Кондолиза Райс во время своего визита в Израиль в июне 2006 г.

В 2007 г. Ролф Питерс, подполковник в отставке, работавший в Национальной военной академии США, в статье «Кровавые границы» в издании *Armed Forces Journal* опубликовал карту обновленных перспективных границ национальных государств региона Большого Ближнего Востока (ББВ). Наметился мостик от концепции ББВ к доктрине Нового Ближнего Востока (НБВ), где некоторым из ныне существующих стран может не найтись места или придется поужаться. На «освободившихся территориях», возможно, будут созданы новые государства (см. *карту* 1).

Последняя должность Питерса - сотрудник офиса заместителя Начальника штаба по разведке в Департаменте обороны США. По данным российских аналитиков, он является одним из известных пентагоновских авторов, опубликовавшим многочисленные работы, посвященные стратегии, в военных и внешнеполитических журналах США.

Официальный Вашингтон, включая представителей военных ведомств, впоследствии неоднократно повторял, что данная карта не отражает точку зрения Пентагона. Однако, по свидетельству информированных источников, она использовалась в обучающих программах для высших военных офицеров Оборонного колледжа НАТО и, наряду с другими картами, вполне могла быть использована Национальной военной академией и специалистами по военному планированию[4].

В 2010 г. разразилась «арабская весна», вылившаяся в затяжную бойню в Сирии, перманентную гражданскую войну всех против всех в Ливии, маятниковую смену властей в Йемене и, наконец, в боевые действия самоорганизовавшихся коалиций против «Исламского государства» (ИГ/ИГИЛ)[5] в Ираке и Сирии и шиитских армий Ансар Аллах (хоуситов) в Йемене.

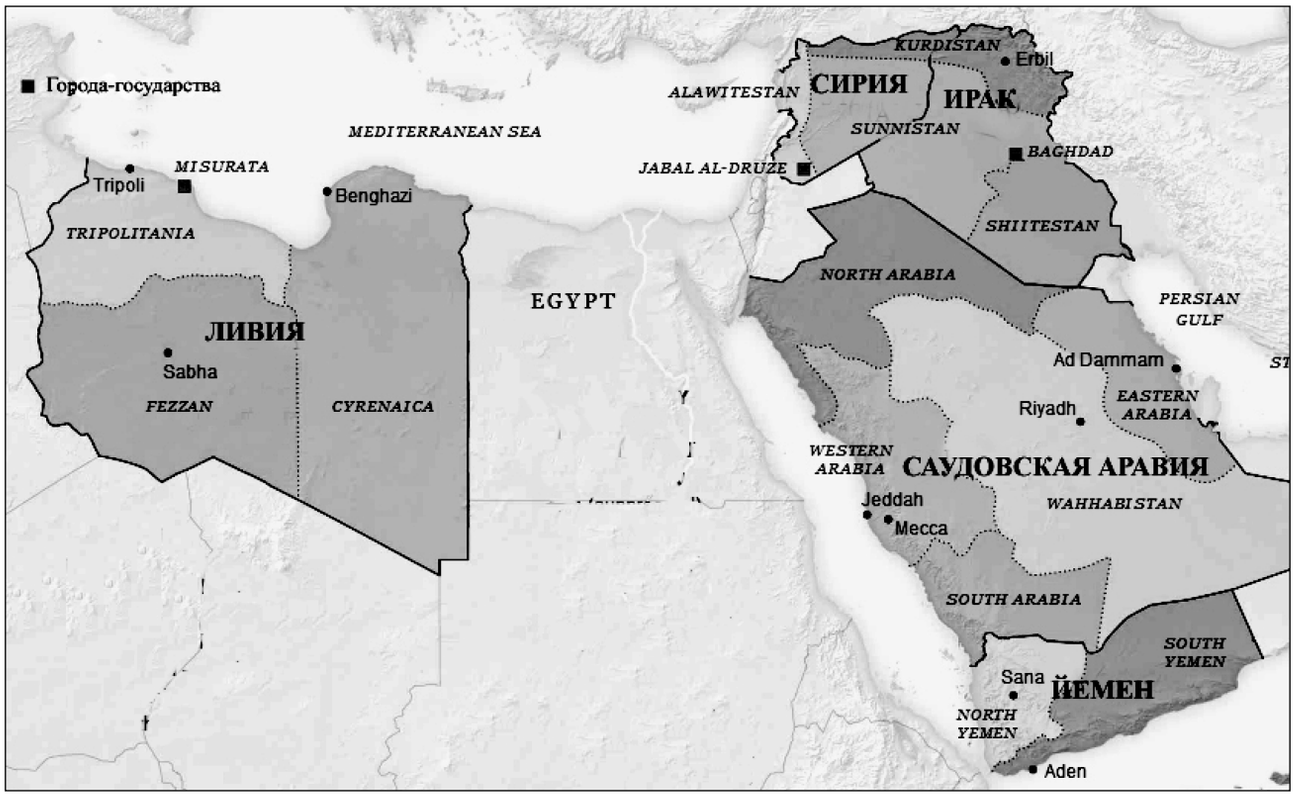
Перекраивание карты САЗА начало приобретать более реальные и вполне очевидные формы.

На африканском фланге региона после падения М.Каддафи Ливия как единое государство фактически перестала существовать. Перед страной замаячила перспектива повторить путь дезинтеграции по примеру другого прежнего итальянского владения в Африке - Сомали.

На азиатском фланге «расползающееся» вширь ИГ/ИГИЛ и неумолимо «выплескивающийся» из прежних границ Ирака Курдистан с разной степенью легитимности и признания решают одну и ту же задачу фактического изменения сегодняшней конфигурации пограничных линий. Причем результатом этого может стать вовсе не интеграция, соответственно, суннитов и курдов в единых государствах, а дальнейшая парцелизация региона.

В 2013 г. газета *New York Times* в своем воскресном обозрении опубликовала статью Робина Райта (Robin Wright) «Как пять стран стали четырнадцатью», сопроводив ее картой с новыми предлагаемыми «оптимизированными» границами в САЗА[6] (см. *карту* 2).

Мы далеки от мысли, будто каждая подобная публикация есть продукт официального стратегического планирования. Однако нельзя отрицать и того, что они отражают направление дви-



Карта 2. Карта дробления 5 стран региона САЗА по Робину Райту (The New York Times, 2013).

Источник: http://www.nytimes.com/interactive/2013/09/29/sunday-review/how-5-countries-could-become-14.html?_r=1&

жения мысли, как минимум, определенного сегмента американских политиков. Добавим, что эти построения не столь уж фантастичны, и не всегда являются отражением взглядов лишь «ястребов с Капитолийского холма». Скорее, это попытка просчитать возможные геополитические сценарии и выбрать в своих интересах оптимальный из них. На этой базе можно сделать выбор, каких негосударственных акторов-носителей перемен поддерживать или взращивать с прицелом на будущее.

В чем же смысл стратегии США по парцелизации региона? Каким образом перекраивание границ местных государств и возникновение квазигосударственных образований может способствовать продвижению интересов США в регионе?

Логика управления создаваемым хаосом такова. Каждая страна, уже существующая ныне, или которая волею судеб возникнет на обломках разрушенных в ходе «арабской весны» государств, неизбежно будет искать свой (новый) путь. В этих условиях Соединенные Штаты напрямую или через своих агентов (местных акторов-трансляторов проамериканских интересов) могут формировать этот путь или, по крайней мере, в значительной степени определять его векторы. Понятно, что это потребует реализации определенного набора тщательно продуманных стратегий (не одной, а именно множества взаимодополняемых, а при необходимости, на случай временных неудач, взаимозаменяемых стратегий-субститутов!), исходящих из посылки, что локальные государственные и негосударственные акторы будут, в конечном счете, претендовать на суверенное будущее[7].

Конкретные агенты-трансляторы могут быть весьма разнородными и представлять, в зависимости от конкретных обстоятельств, любые группы негосударственных акторов - религиозные (шииты, сунниты, христиане), этнические (курды, тюрки и т.д.), расовые (негроидное население арабских стран), социальные, гендерные и т.д. или их сочетания (например, социально угнетенные расовые, этнические, гендерные группы). Создаваемые объекты управления также не обязательно должны быть единообразны, с точки зрения субъектности международного права, или, скажем, как потенциальные носители государственного суверенитета.

Под информационно-пропагандистской завесой в целях достижения национальных интересов США на одну доску могут быть поставлены государства-члены ООН, непризнанные правительства и коалиции, квазигосударственные образования, негосударственные акторы. Манипуляции государственными акторами требуют бóльших усилий с точки зрения хотя бы внешнего соблюдения международной законности и обоснования легитимности их последующих действий. И потому в настоящее время негосударственные акторы, при

прочих равных условиях, выглядят более привлекательно как трансляторы соответствующих задумок по управлению создаваемым хаосом.

Ставки для Соединенных Штатов и их союзников высоки. В условиях изменившегося глобального соотношения военных, экономических и политических сил даже гипотетический «успех» задуманного в регионе все равно не сможет полностью повернуть вспять колесо истории и вернуть ситуацию монополярного доминирования Вашингтона. «Неудача» же будет иметь значительные негативные долгосрочные последствия для интересов США, в т.ч. и для тех, что Америка считает «жизненно важными».

Но, с другой стороны, игра стоит свеч, поскольку, пусть и не обещая кардинального исторического разворота, те же глобальные и геостратегические факторы работают так, что даже ограниченные и временные успехи потенциально дадут США вполне конкретные преимущества. Они при определенных условиях и умелой игре могут продлить на неопределенно долгий срок претензии Штатов на лидерство в глобальном управлении и безусловную гегемонию в рамках Западного мира.

Тенденции глобального развития складываются таким образом, что наибольшие экономические возможности для США и их младших партнеров из ЕС в ближайшие десятилетия, скорее всего, будут тяготеть к Восточной и Южной Азии. С регионом же Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока в понимании Белого дома будут по-прежнему в очень большой мере связаны угрозы и вызовы национальной безопасности.

Часть этих угроз, скорее всего, была в значительной мере «просчитана» при запуске проекта Нового Ближнего Востока и дочерних страновых субпроектов «арабской весны». На некоторые из угроз международной безопасности, такие как сепаратизм, межконфессиональные, межэтнические и, шире, «исторически обусловленные» трения, была сделана ставка как на детонатор в самоподдерживающихся местных вооруженных конфликтах. Во всяком случае, синхронные движения партнеров по НАТО по этому пути косвенно подтверждают такой сценарий.

«ЕВРОДЖИХАДИЗМ» КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Относительно степени «просчитанности» других последствий и угроз, обострившихся после разгула «арабской весны», существуют противоречивые мнения.

Сегодня на первый план особо рельефно выступают два из них, увязываемые с воинствующим исламизмом. Они касаются переформатирования экстремистско-террористической угрозы из абстрактно-аморфной «Аль-Каиды» в конкретно осязаемое «Исламское государство» и резко обозначившейся в последнее время угрозы «евроджихадизма» - исламистского экстремизма и терроризма внутри Европы.

Некоторые исследователи исходят из того, что появление этой двуединой угрозы является частью глобального сценария по формированию в узловых геостратегических зонах ситуации «управляемого хаоса». Нередко тех, кто озвучивает такой подход, так же как до этого и тех, кто считал, что за «цветными революциями» в их конкретно-историческом проявлении стоят Вашингтон и Брюссель, относят с разной степенью обоснованности к сторонникам «теории заговора» и по существу аргументов в дискуссии не вступают.

Так, египетская газета «Аль-Вафд» опубликовала статью «Исламское государство - бешеный волк Америки». В ней подчеркивается, что Вашингтон создал эту организацию при поддержке спецслужб Великобритании и пакистанской разведки для достижения геополитических целей на Ближнем Востоке, как это было и с «Аль-Каидой».

Главной целью ИГ, как отмечает издание, является уничтожение Сирии и Ирака. Войну американцев против ИГ газета называет «большой ложью», которой оправдывается вмешательство Вашингтона в регион в рамках его военной стратегии. Вторжение боевиков в Ирак в июне 2014 г. называется одной из составляющих военной операции разведок, которая была тщательно спланирована при негласной поддержке Соединенных Штатов и НАТО[8].

ИГ/ИГИЛ также подобно вышеописанной политической линии США в регионе САЗА видит своей политической целью перекраивание карты Старого Света. Удивительно, но местами планируемые «желательные» новые гособразования на американских и исламистских картах совпадают (см. *карту* 3).

Впрочем, большинство аналитиков склонны относить и воз-

Боевики «Исламского государства».

никновение феномена ИГ/ИГИЛ, и «евроджихадизм» к «непросчитанным» последствиям «арабской весны».

По нашему мнению, связь обоих социальных явлений с «арабской весной» - самая непосредственная. Однако революционные и псевдореволюционные процессы в арабском мире явились не первоисточником, а лишь мощным катализатором взрыва воинствующего исламизма. ИГИЛ в арабском мире и «евроджихадизм» вне его стали негативными проявлениями естественного роста политического *самосознания*, *самооценки* и *самоидентификации* части мусульманского населения, соответственно, арабских стран и мусульманских диаспор Европы. Дополнительный импульс к росту всех трех вышеперечисленных «*само*-...» действительно дала «арабская весна». Она выпустила на волю разрушительные импульсы, дремавшие в «нескорых на подъем» и терпеливых мусульманских социумах.

Долгое время молча терпевшим и по-разному неудовлетворенным своим положением мусульманским массам в регионе САЗА и их единоверцам в европейских диаспорах «арабская весна» показала, что существующий порядок может быть изменен силой вопреки традиции и поведенческим стереотипам старшего поколения. Политика Запада и создаваемый им мировой информационный фон всячески поощряли такие подходы, подталкивая целевую аудиторию к радикализации[9]. По сути, глобальные СМИ изо дня в день «арабской весны» подсовывали молодому поколению арабов (да и не только им) экзистенциальный вопрос, мучавший Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»

Однако, в отличие от христианской традиции, ислам разрешает это противоречие прямым указанием на то, как, повинуясь воле Всевышнего, «терпеливому» реализовать себя в качестве «имеющего право». 47-я Сура Корана, носящая имя пророка, гласит:

«...31. Мы непременно подвергнем вас испытанию до тех пор, пока не узнаем тех из вас, кто сражается и проявляет терпение, и не проверим ваши вести...»

Карта 3. Карта провинций будущего «восстановленного» «Исламского государства» (Халифата) по планам ИГ/ИГИЛ.

Источник: http://b1.vestifinance.ru/c/183981.640xp.jpg

«...35. Не проявляйте слабости и не призывайте к миру, поскольку вы - выше остальных. Аллах - с вами и не умалит ваших деяний».

Таким образом, для молодого мусульманина шаг от революционного бунта во имя социального прогресса и демократии в сторону исламского радикализма цивилизационно естественен, идейно обоснован и внутренне не противоречив. Перефразируя Маркса, можно сказать, что именно через «арабскую весну» ущемленная в правах и возможностях молодежь в САЗА и диаспорах стала превращаться из «*мусульман в себе*» в «*мусульман для себя*».

В то же время понятно, что, как любой социальный феномен, эти явления не родились в один момент на пустом месте. Предпосылки к развитию подобных процессов формировались и сложились до последней волны арабской смуты.

Вопрос генезиса и гносеологических корней внутрирегиональной религиозной радикализации и «евроджихадизма» - не схоластическое теоретизирование. Понимание этого вопроса, возможно, дает ключи к решению или, по крайней мере, ослаблению остроты чрезвычайно актуальных проблем международной безопасности и развития отдельных государств.

Организация «Исламское государство» в настоящее время превращается, по существу, в ключевое звено радикального ислама в ближневосточном регионе и имеет тенденцию к дальнейшему росту.

Общая площадь контролируемой ИГ/ИГИЛ территории, по состоянию на 2014 г., оценивалась в 40-90 тыс. кв. км, а численность проживающего на ней населения, преимущественно состоящего из суннитов, - в 8 млн человек. К началу лета 2015 г., после боёв, ИГ/ИГИЛ потеряло 25-30% (8-10 тыс. кв. км) первоначальных захваченных в Ираке территорий. По оценкам Генштаба Вооруженных сил РФ, в состав действующих в Сирии и Ираке формирований «Исламского государства» входит уже до 70 тыс. боевиков различных национальностей[10].

ИГ претендует на то, чтобы стать мусульманским цивилизационным ответом на концепцию гражданского общества, предложенную западной цивилизацией.

Ценностной основой ИГ, по словам его пропагандистов, стала социальная справедливость, якобы имманентная «истинному исламу». Несмотря на крайние проявления непримиримости к врагам, имеющие в наших глазах признаки варварства и дикости, фундаментальная идеологическая платформа ИГ - государство социальной справедливости, базирующееся на догматах ислама, где все равны перед Аллахом. Ис-

лам - открытая религия, а ИГ - сетевое государство, «государство без границ», якобы идеальное государство верующих мусульман, община общин, а не пирамидально выстроенная социальная конструкция, характерная для большинства цивилизованных государств, построенных по западному образцу.

По сути, ИГ - замена ниши, которую занимала в умах людей, в первую очередь, обездоленных, социалистическая идеология до распада СССР. Поэтому у ИГ

Пока это еще - «восстановление Халифата». А завтра?

есть сторонники не только в мусульманском мире, но и в христианских государствах, которые не приемлют буржуазные ценности и, вступая в ИГ, борются, по их мнению, с несправедливостью в мире, оплотом которой выступают страны «золотого миллиарда».

Многие сегодня склонны недооценивать масштабы и потенциальную глубину этой угрозы. Мол, все это касается южных регионов и мусульманских стран, а также государств, граничащих с последними.

Позволим себе не согласиться с подобным подходом. Нынешний кризис с нелегальными мигрантами в Западную Европу - лишь «первый звонок».

Скорость, с которой ИГ распространяется территориально и привлекает к себе все новое число сторонников, свидетельствует в пользу нашей озабоченности. В поддержку своих слов приведем пример из недавней истории. Когда, чуть более 150 лет назад, уроженец Трира только облек в форму манифеста свои коммунистические идеи, число членов его ячейки ограничивалось несколькими десятками человек. Идеи обобществления и отмены частной собственности казались абсолютному большинству его современников не менее дикими и нецивилизованными, чем постулаты ИГ.

Но элемент социальной справедливости - освобождение пролетариата, преодоление эксплуатации человека человеком - привлекал многих. В том числе (а порой и в основном) тех, кто пролетариатом не был. Созданная горсткой единомышленников сетевая структура - Интернационал - решила проблему глобального распространения идеи, социально чуждой большинству классов планеты той поры, а еще в течение последующих 100 лет, после серии кровавых перипетий создала мощнейшую глобальную систему, часть которой здравствует и процветает и поныне.

ОТ «ЛОНДОНИСТАНА» ДО «ЛОНДОНГРАДА»

В видимых, но пока еще ограниченных масштабах джихадизм начал проникать в Западную Европу в 1980-х и начале 1990-х гг.[11] К этому времени здесь сформировалась критическая масса политических активистов, их руководителей, идейных вдохновителей и кормильцев - всех тех, чье благополучие, а порой и само существование зависели от антиправительственных выступлений, восстаний, мятежей, локальных конфликтов и гражданских войн, тех, кто провозглашал себя борцами против чужаков-угнетателей в арабских странах, Афганистане, Индостане (Кашмир), Чечне, Югославии, Синцзяне и т.д.

Хотя «политически активные мусульмане-оппозиционеры» в этот период оседали во многих странах Евросоюза, главным центром притяжения, управления и одновременно перевалочным узлом воинствующих исламистов становится Великобритания.

Именно тогда в СМИ из жаргона спецслужб проникает термин «Лондонистан», которым обозначают части британской столицы, населенные преимущественно выходцами из мусульманских стран Азии. Однако и за пределами столичного округа - в мусульманских кварталах крупных городов и в спрятавшихся в идиллической английской глубинке старинных усадьбах, принадлежащих важным государственным учреждениям, кипела кропотливая работа по использованию политического ислама в интересах торжества западной демократии в мире.

Это было время «дожимания» главного для Запада геостратегического соперника - Советского Союза. Воинствующему исламу в этой главнейшей для капиталистического мира задаче отводилась одна из ключевых ролей. Афганская война призвана была не только экономически обескровить СССР, но и лишить его влияния и поддержки со стороны большого числа стран мира, в первую очередь тех, население которых исповедует ислам. Разжигание и поддержание межконфессиональных конфликтов, религиозного и этнического сепаратизма внутри самого советского государства были призваны обеспечить его развал.

Параллельно создавались за-

делы для нового мироустройства и обновленной системы глобального управления - перекраивались политические карты Европы, Азии и Африки, вычерчивались новые границы, достигались договоренности и давались обещания политического признания новых государств с мало кому известными до поры до времени названиями. Взамен будущим политическим лидерам выставлялись требования относительно их будущей экономической политики и политического курса.

В этом смысле «Лондонистан» был важнейшим, а возможно, в тех геополитических реалиях и необходимым условием для появления полутора десятилетиями позже «Лондонграда» - многочисленной, весьма обеспеченной российской диаспоры, сформировавшей после распада СССР свои состояния в ходе сомнительных манипуляций с собственностью. А также более поздних «поселенцев», делающих деньги в России, но предпочитающих жить с чадами и домочадцами на берегах Туманного Альбиона.

«Лондонистан» и «Лондонград» имеют небольшие взаимоперекрывающиеся сегменты. Часть исламистской эмиграции представлена сепаратистами и экстремистами - выходцами из мусульманских республик России, а некоторые представители «Лондонграда» еще недавно делали состояния на войне в Чечне, а потом играли значимую роль в финансировании экстремистской и террористической деятельности в РФ.

ЕВРОМАТРЕШКА В ХИДЖАБЕ

В западных типологиях построения акторов-транслятов довольно отчетливо прослеживается «эффект матрешки»: внутри структур, выдвигаемых в качестве оппонентов или противников, неизменно находится первородный костяк, который, как выясняется со временем, на более ранних этапах создавался, взращивался, поддерживался или финансировался США или их союзниками. С исторической точки зрения, совсем уж новым такие зависимости назвать трудно. Так было в прошлом и с большевиками, и с германскими и итальянскими фашистами, и с бандеровцами, и с афганскими моджахедами, и с «Аль-Каидой», и с прародителями ИГ/ИГИЛ.

Запад пестует, финансирует, укрепляет кадровый состав организаций и структур, необходимых ему для борьбы с геополитическими соперниками. На определенном этапе ученики обретают самостоятельность и нередко переходят в наступление против своих пестователей и учителей. Степень истинности и искренности их противостояния, достоверности вдруг сформировавшегося между ними антагонизма определить довольно трудно: система их связей и реальных взаимозависимостей по большей части скрыта от глаз стороннего наблюдателя.

Обрисованная выше «матрешка» начала «примерять хиджаб» еще до начала событий «арабской весны». Спецслужбы стран Евросоюза и Европол приглядывали за мигрантами-исламистами и пытались открыто или втемную использовать их в своих целях.

ЕВРОПА ФИНАНСИРУЕТ ДЖИХАДИЗМ ...

Важно иметь в виду, что связанные скрытыми нитями глобальных интересов западной геополитики «Лондонистан» и «Лондонград», помимо политического и идеологического содержания, имеют весьма конкретное и финансово-экономическое наполнение - как с точки зрения огромных денежных потоков, с ними связанных, так и в плане использования их для обеспечения доступа Запада к реальным активам, природным ресурсам, технологиям и иным богатствам стран их происхождения.

Однако для обеспечения такой экономической отдачи неизбежны определенные вложения. Они поступают как по тайным каналам финансирования со стороны заинтересованных государств (естественно, через несколько посредников), так и из негосударственных источников - местных диаспор, благотворительных фондов, неправительственных организаций и т.д.

По данным *Charity Commission* (Комиссии по благотворительности) - британского государственного регулятора деятельности благотворительных фондов и организаций, средства, направляемые в находящиеся под ее надзором структуры, «могут быть присвоены исламистами и перенаправлены в Сирию и Ирак для оказания помощи боевикам»[12].

Председатель Комиссии Уильям Шоукросс полагает, что часть пожертвованных средств, возможно, была направлена непосредственно боевикам «Исламского государства». В 2014 г. из 86 благотворительных организаций, попавших под подозрение Комиссии, 37 собирали средства в Великобритании и направляли их в виде гуманитарной помощи в Сирию. В 2014 г. Комиссии были выделены дополнительно 8 млн фунтов государственного финансирования на улучшение работы по противодействию финансирования джихадистских структур через каналы благотворительных организаций.

По словам вышеназванного руководителя надзорного органа королевства, суммарно около 500 британских благотворительных организаций утверждают, что они в той или иной форме работают в Сирии. При этом около 200 из них были зарегистрированы уже после начала там вооруженного конфликта. Регулятор, в частности, обеспокоен тем, что «там, куда товары и расходные материалы поставляются гуманитарными конвоями, не может быть надлежащего контроля»[13].

Другими словами, товарные и финансовые потоки, по сути, могут стать капитальными вложениями в структуры, подконтрольные агрессивным негосударственным акторам, занимающимся террористической или экстремистской деятельностью.

ТАЙНЫЙ ПЛОД ВЕСНЫ АРАБСКОЙ

Тем временем эффект от нежелательных последствий нарастает. В начале 2015 г. Европол, объединенное правоохранительное ведомство Евросоюза, объявило, что уровень террористической угрозы, которую несут выходцы из Европы, присоединив-

шиеся к исламистам, является наивысшим с сентября 2001 г. По данным европолицейских, от 3 до 5 тыс. граждан стран ЕС принимают участие в боевых действиях на Ближнем Востоке в рядах исламистских группировок.

В Западной Европе по количеству присоединившихся к исламистам лидирует Франция: 1200 французов участвуют в их деятельности. За Францией следуют Великобритания и Германия, где на сторону исламистов перешли от 500 до 600 человек. Наименьшее число «евроджихадистов» приходится на Ирландию - порядка 30 человек. Это меньше, чем, например, суммарно в странах Балтии. Исходя из соотношения количества сторонников исламистов на миллион человек населения, лидирует Бельгия, где на 1 млн человек приходится около 40 сторонников исламистских группировок. За ней следуют Дания (27) и Швеция (19 человек).

В основном, это молодые люди, которые, как небезосновательно опасаются в объединенной Европе, могут вернуться обратно, имея намерения и возможности для совершения террористических акций, а может, и чего-то похуже. Из названного выше числа евроджихадистов властям ЕС удалось установить личности порядка 2,5 тыс. подозреваемых в террористической деятельности. Ранее Европол сообщал, что в рядах исламистов на Ближнем Востоке в общей сложности могут воевать до 12 тыс. иностранных наемников. К сожалению, есть там и россияне, и граждане других, соседних с нашей страной республик.

К концу лета 2015 г. в западной печати со ссылкой на дезертировавших боевиков стали появляться первые тревожные сообщения о существовании в Европе «спящих» ячеек ИГ/ИГИЛ, готовых к акциям сразу же после получения необходимых инструкций. По словам источников, в состав ячеек входят не обязательно только те, кто находился среди боевиков ИГ, но и люди, которые в зонах конфликтов никогда и не бывали[14].

В Испании, например, деятельность джихадистов является на протяжении последних двух десятилетий постоянной реальностью. Если за индикатор ее активизации или затухания принять частоту полицейских операций против местных исламских активистов и интенсивность освещения этой проблемы в средствах массовой информации, то на временной шкале будут отчетливо видны периодические взлеты и падения «остроты вопроса».

С марта 1995 по январь 2015 гг. было проведено более 80 операций силовых структур против исламистских ячеек в стране. Однако число реальных кровавых терактов, осуществленных исламистами (в отличие от других групп), в стране невелико. Самый громкий из них - взрыв в январе 2004 г. на вокзале Аточа в Мадриде, унесший жизни 191 человека из 17 стран. Хотя «исламский след» в нем был официально подтвержден испанскими властями, имеются разночтения относительно того, какие именно организации несут за него ответственность. Власти сначала возложили ее на баскских сепаратистов, потом на марокканскую *Moroccan Islamic Combatant Group* (*GICM*).

А В ЭТО ВРЕМЯ В РОССИИ…

Проблема не обошла стороной и Россию. Международная террористическая группировка «Исламское государство», запрещенная в России, пытается вербовать сторонников на территории Северного Кавказа. Опасность ИГ состоит в том, что его эмиссары и боевики начинают внедряться в другие террористические организации. Они, например, проявляют интерес к террористической организации «Имарат Кавказ», некоторые полевые командиры которой даже присягнули на верность «Исламскому государству». По озвученным летом 2015 г. данным ФСБ, в рядах группировки «Исламское государство» находятся порядка 1700 россиян, но их число может быть и больше. Компетентные органы Таджикистана имеют информацию о том, что в рядах ИГ могут находиться до 300 их граждан[15].

Россия предпринимает шаги по противодействию росту воинствующего радикализма как на внутринациональном, так и на международном уровнях. Плодотворным зарекомендовало себя взаимодействие по данному вопросу в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Регулярно уже несколько лет идет эффективная работа правоохранительных органов России и Узбекистана по пресечению преступной деятельности организации «Хизб ут-Тахрир». Создана совместная группа, которая работает в постоянном режиме.

В рамках комплексного плана противодействия идеологии терроризма ведется активное развитие механизмов защиты информационного пространства России и совершенствование основ пропагандистской и контрпропагандистской работы. Один из ключевых элементов борьбы с терроризмом в РФ - формирование у граждан стойкого неприятия взглядов и идей, оправдывающих применение актов насилия и устрашения для воздействия на власть и общество.

В регионах в основном сформирована инфраструктура для проведения информационно-пропагандистской работы. Идет обучение госслужащих и других специалистов, в т.ч. в рамках средств федеральной целевой программы «Антитеррор». В ряде регионов эффективно действуют комиссии по адаптации к мирной жизни участников банд-групп, добровольно отказавшихся от продолжения преступной деятельности.

Вместе с тем, по мнению руководства ФСБ, в отдельных регионах сохраняются предпосылки для радикализации населения, связанные с безработицей, коррупцией, низким уровнем жизни, а также недооценкой в ряде случаев угроз распространения идей экстремизма. В ряде зарубежных стран активно функционируют интернет-сайты террористической и экстремистской направленности, ведущие агрессивную обработку российской аудитории. Продолжаются вербовки международными террористическими организациями граждан России в бандформиро-

вания, действующие не только в Северо-Кавказском регионе, но и на территории третьих стран, в частности, в Сирии. Практика подготовки в зарубежных исламских образовательных центрах проповедников из числа российских граждан, которые по возвращении на родину ведут пропаганду деструктивных религиозных идей, приобрела, по словам руководства ФСБ, «потоковый характер». В этой связи «давно назрел вопрос развития системы качественного духовного преподавания традиционного ислама на базе отечественных религиозных заведений»[16].

Таким образом, не теряет актуальности наращивание усилий против пополнения бандподполья новыми участниками. В этой борьбе необходимо объединять усилия не только силового блока, но и всех институтов нашего общества.

ВЫВОДЫ

К сожалению, описанные процессы на постсоветском пространстве, в т.ч. активно обсуждаемая в последнее время проблема пополнения рядов экстремистских структур, включая пресловутое «Исламское государство», - одна из сторон проблемы «евроджихадизма», пусть и с «отечественной спецификой». Более того, по нашему мнению, обе проблемы (негосударственных и квазигосударственных акторов и проблема «евроджихадизма») взаимосвязаны, и с точки зрения своего генезиса, их истоки, по крайней мере, в сегодняшних формах, непосредственно восходят к «арабской весне». В более широком смысле эволюционными вехами являются 11 сентября 2001 г., вторжения в Афганистан и Ирак.

После долгих дебатов относительно фундаментальных причин и истинных механизмов возникновения «арабской весны» роль внешнего фактора в трагических событиях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, наконец, стала признаваться даже теми, кто изначально пытался отвернуться от этого ракурса проблемы. Сегодня уже трудно отмахнуться от ставших достоянием общественности фактов вмешательства, внешнего давления, тайного и явного финансирования, а часто и прямого дирижирования ходом событий со стороны США и их младших партнеров из ЕС.

Диалектика развития рассматриваемых процессов в САЗА заключается в том, что Запад попытался использовать объективные условия, потребности и социальную динамику региона в интересах достижения собственных геополитических целей и продвижения своих идеологических установок и догм, результатом чего явилась последовательность событий «арабской весны». Однако на деле учет объективных условий и оценка реальных возможностей социальных трансформаций в САЗА оказались неверными или, по крайней мере, недостаточными.

«Арабская весна» пробудила социальные и политические процессы, вызвавшие у США и ЕС необходимость ретроактивно подстраиваться под происходящее и искать пути минимизации политических и стратегических издержек. Это не означает полной неудачи глобальных подходов к региону, но требует от условных Вашингтона и Брюсселя коррекции линии поведения. Представляется, что нынешнее ухудшение ситуации с безопасностью в регионе САЗА является следствием попыток такой коррекции. Это создает угрозу сохранения негативных тенденций здесь в среднесрочной перспективе, что, в свою очередь, формирует благоприятные условия для дальнейшего распространения «евроджихадизма» и возрастания его влияния на внутриполитические процессы в Европе.

---

[1] Подробнее см.: *Фитуни Л.Л., Солодовников В.Г.* Восстание в арабском мире: посевы и всходы. Навстречу «арабской зиме»: формирующиеся политические и экономические тренды в странах Северной Африки // Азия и Африка сегодня. 2012, № 6. С. 2-9. (*Fituni L.L., Solodovnikov V.G.* 2012. Vosstanie v arabskom mire: posevy i vskhody... // Aziya i Afrika segodnya. № 6) (in Russian)

[2] Использование термина Большой Ближний Восток (ББВ), при всей его публицистичной привлекательности, нередко вызывает неоднозначную трактовку, поскольку несет в себе долю географической неопределенности и устойчиво ассоциируется с американской внешнеполитической доктриной времен Дж.Буша-младшего. Кроме того, нередко ББВ путают с концепцией Нового Ближнего Востока, хотя это не тождественные понятия. Во избежание двусмысленности в статье мы используем географически конкретный термин - регион Северной Африки и Западной Азии (САЗА).

[3] *Brzezinski Z.* Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Atlantic Monthly Press. 1986; *Brzezinski Z.* The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. New York: Basic books, October 1997.

[4] http://www.geopolitics.ru/2012/09/novyj-blizhnij-vostok/

[5] В российской литературе применительно к рассматриваемой группировке и контролируемой ею территории в настоящее время сосуществуют два наименования -«Исламское государство» (ИГ) и более раннее - «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Первое вызывает возражение у многих представителей мусульманской общественности, второе фактически устарело, и за использование его арабского эквивалента («Да'иш») на подконтрольных исламистам территориях положено наказание в 70 ударов плетью.

[6] How 5 Countries Could Become 14. Slowly, the map of the Middle East could be redrawn. An analysis by Robin Wright // The New York Times. Sunday Review. September 28, 2013 - http://www.nytimes.com/interactive/2013/09/29/sunday-review/how-5-countries-could-become-14.html?ref=sunday

[7] *Фитуни Л.Л., Абрамова И.О.* Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. 2014, № 12 (689). С. 8-15. (*Fituni L.L., Abramova I.O.* 2014. Agressivnye negosudarstvennye uchastniki geostrategicheskogo sopernichestva v «islamskoy Afrike» // Aziya i Afrika segodnya. № 12) (in Russian)

[8] http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1888886

[9] Детально о технологии информационного воздействия в регионе САЗА см.: *Абрамова И., Пеликанов Д.* Африка в век информационных технологий: возможность прорыва // Азия и Африка сегодня. 2001. № 8. С. 19. (*Abramova I., Pelikanov D.* 2001. Afrika v vek informatsionnykh tekhologiy: vozmozhnost proryva // Aziya i Afrika segodnya. № 6) (in Russian)

[10] http://tass.ru/politika/1670859

[11] *Абрамова И.О.* Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009, с. 76. (*Abramova I.O.* 2009. Afrikanskaya migratsiya: opyt systemnogo analiza. M.) (in Russian)

[12] The Daily Telegraph. November 1, 2014.

[13] Ibidem.

[14] http://ria.ru/world/20141117/1033742398.html#ixzz3j0OqiCMb

[15] http://tass.ru/politika/1894287

[16] http://tass.ru/politika/1670859